

Олег Воскобойников

**ФРИДРИХ II
И ЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИР.
1200–1250**

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)
ББК 63.3
В76

Дизайн обложки *Алексея Родюшкина*

Редакционная коллегия серии «Страдающее Средневековье»:
*Олег Воскобойников, Андрей Виноградов, Юрий Сапрыкин-мл.,
Константин Мефтахудинов*

Воскобойников, Олег Сергеевич

В76 Фридрих II и его интеллектуальный мир. / О.С. Воскобойников. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 464 с. — ил. — (История и наука Рунета. Страдающее Средневековье).

ISBN 978-5-17-154839-1

Олег Воскобойников — медиевист, доктор исторических наук, посвятил десятки книг и статей истории средневековой культуры Западной Европы.

Книга «Фридрих II и его интеллектуальный мир» — результат тридцатилетних исследований. Это историко-культурный портрет императора Священной Римской империи и короля Сицилии Фридриха II Гогенштауфена (1220–1250) на фоне его эпохи. Здесь собран богатейший материал о духовной жизни Италии первой половины XIII века: произведения искусства, поэзия, хроники, астрологические и медицинские трактаты, письма. Все эти тексты предлагаются в авторских переводах, а произведения искусства сопровождаются описанием и анализом, проведенным на месте. Книга рассчитана на всех интересующихся средневековой историей, историей искусства, философии, науки, литературы.

**УДК 94(100)
ББК 63.3**

ISBN 978-5-17-154839-1

© Воскобойников О.С. текст, 2025
© Издательство АСТ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
1. ФРИДРИХ II В ИГРЕ ЗЕРЦАЛ.....	19
2. НЕАПОЛИТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ	42
3. НЕЧЕСТИВЫЕ ОПЫТЫ И ПРАЗДНЫЕ ВОПРОСЫ	62
4. СВОИ И ЧУЖИЕ: ФРИДРИХ II И МИР ИСЛАМА.....	82
5. СВОИ И ЧУЖИЕ: ИУДЕИ, НАУКА И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА	101
6. ГОСУДАРЕВА ОХОТА	140
7. ИЛЛЮСТРАЦИИ «КНИГИ ОБ ИСКУССТВЕ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ»	167
8. ИСКУССТВО И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ	187
9. АСТРОЛОГИЯ ПРИ ДВОРЕ ФРИДРИХА II	235
10. ТРУДЫ И ДНИ МИХАИЛА СКОТА	272
11. В ПОИСКАХ МИРОВОЙ ГАРМОНИИ.....	296
12. МАКРОКОСМОС.....	324

13. МИКРОКОСМОС	357
14. ТЕХНИКИ ТЕЛА.....	372
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	414
ПОСЛЕСЛОВИЕ	422
БИБЛИОГРАФИЯ	424
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	455
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	461

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать лет в медиевистике — не то чтобы много и не то чтобы совсем мало. Примерно половина среднестатистической сознательной жизни. Осенью 1994 года я решил посвятить себя этой науке, стал учиться уму-разуму в семинарах Михаила Бойцова, Николая Ускова, Ады Сванидзе, Ольги Варьяш и Лидии Брагиной на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ. Все они поддержали мое желание изучать средневековую культуру Италии. Поскольку, изучая немецкий, я оказался связан одновременно с итальянистами и с германистами, в поисках первой темы как-то сама собой возникла фигура немца, наводившего страх, трепет и восхищение в Италии XIII века: Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250).

Все свои ученические годы, диплом и первые две диссертации, русскую и французскую, я посвятил интеллектуальной истории штауфеновского двора, кочевавшего между Палермо, Италией, Палестиной и Германией. Постепенно из этих диссертаций и научных статей получилось что-то вроде историко-культурного портрета неординарного средневекового государя на фоне его бурной эпохи. Этот портрет мне, по счастью, удалось издать в 2008 году в хорошем научном издательстве РОССПЭН — в те далекие времена еще существовала государственная поддержка подобных издательских инициатив, в том числе для молодых ученых. Эту книгу я любовно назвал «Душой мира» и считал одновременно аттестатом зрелости и путевкой в жизнь.

Когда друзья в АСТ предложили переиздать «аттестат зрелости» в нашей любимой серии, я, как водится, загорелся и засомневался. Перечитывать себя — дело не самое благодарное. Переписывать себя — никогда с этим не сталкивался. Передо мной лежал текст, в основном написанный 20 лет назад в лондонском Институте Варбурга, одном из моих любимых мест на земле. В научную публикацию я, вчерашний парижский

аспирант, инстинктивно втискивал почти все, что знал и читал. Каждое обстоятельство притягивало за собой еще какое-нибудь обстоятельство — из этой череды возникают донельзя обстоятельные научные монографии. Поглядев на все это постаревшим взглядом, я понял, что с основными моими выводами тех лет я и сегодня согласен. Но многое из обстоятельств мне сегодня уже повторять не нужно — хотя бы потому, что с тех пор я еще кое-что написал. По мелочи, но написал.

Что получилось? Согласившись на простое исправленное переиздание «Души мира», я сел за свой кочевой стол — и почти все переписал. Это не значит, что диссертации и первую книгу я перечеркнул. Но за прошедшие годы кое-что было сделано коллегами в изучении интересующего меня явления. Более того, все эти коллеги, фактически все до единого, стали мне друзьями, мы многое обсуждали в академических аудиториях в нескольких странах, это не могло не сказаться на моих взглядах на каждый конкретный сюжет.

На некоторые тексты, которые я читал и переводил еще в студенческие годы, сегодня я смотрю иначе. Даже если иногда речь всего лишь о нюансах перевода и толкования, они кажутся мне принципиальными — такова, видимо, абберация сознания историка на распутье, популяризатора, из которого не вытравить архивную крысу. Все цитаты из оригинальных текстов я пересмотрел и сверил с латынью, старопровансальским, староитальянским и старофранцузским. Все поэтические переводы сделаны заново — в 2008 году я просто не умел переводить стихи. Я очень благодарен АСТ за возможность не только сохранить все эти иногда довольно пространственные цитаты и весь научный аппарат, но и дополнить его новейшими работами. Этот аппарат не претендует на полноту, но все судьбоносное на основных европейских языках в нем найдется. Книга же, обретя, как хочется верить, более дружелюбное по отношению к читателю выражение лица, не потеряла и какой-то научной значимости.

Сереньо, август 2024 года

ВВЕДЕНИЕ

В стихотворной хронике, озаглавленной «Книга в честь Августа, или О делах сицилийских», Петр Эболийский описал бурные события конца XII века, связанные с переходом Сицилийского королевства от власти норманнской династии Отвилей к германским Штауфенам. Южноитальянский поэт, начитанный в классической литературе, был хорошо принят при дворе прибывшего в Италию императора Генриха VI (1191–1197) и получил задачу восславить новую династию. Для этого поэту потребовалось очернить других претендентов, противников его новых покровителей, — прежде всего графа Лечче Танкреда, незаконнорожденного внука создателя королевства, Рожера II (1130–1154). На протяжении всей хроники этот «тиран», «узурпатор» и «карлик» описывается в карикатурных чертах.

Среди обыденных обидных кличек один выпад необычен: за научным объяснением телесных недостатков Танкреда наш вития обращается к прославленному тогда салернскому медику и натурфилософу Урсону Салернскому. Урсон закатывает целую лекцию по эмбриологии: физические недостатки узурпатора, мол, связаны со смешением благородных отцовских и неблагородных материнских кровей, не совпадающих по природным качествам. В результате мезальянса зародыш, *abortivus*, был сформирован лишь за счет «бедной матери», поэтому Танкред мог называться королем лишь по имени, но не по природе¹. Соответствующая миниатюра, созданная при непосредственном участии поэта, достаточно верно следует тексту, показывая и ученую беседу, и падающего с коня короля, «затылком мальчика, а лицом старика», и ужас матери, видящей перед собой своего несчастного ребенка, и приводимый Урсоном пример из жизни овец.

¹ Petrus de Ebulo 1994. Part.VIII–IX. Fol. 102v–103v. Tramontana 1999. P. 129–133.

Этот эпизод вводит нас в тот культурно-политический контекст, который остался в наследство от предшественников Фридриху II Гогенштауфену (или Штауфену), королю Сицилии (1198–1250) и императору Священной Римской империи (1220–1250). Почему придворному поэту понадобился авторитет салернского философа для того, чтобы очернить политического противника? Почему *natura* становится под его пером тем аргументом, который позволяет говорить о том, что узурпатор не достоин престола? Петр Эболийский обладал определенными медицинскими знаниями, которые он почерпнул в Салерно, скорее всего, у того же Урсона.

Особенность культуры Южной Италии XII–XIII веков состояла не только в активности научной жизни, одним из ярких очагов которой был знаменитый на всю Европу центр медицины, но и неразрывная связь этой научной жизни с центральной властью. Уже монархия Рожера II стала образцом для подражания. Унаследовав от мусульманских правителей богатую культуру и значительное арабоязычное население, норманнские короли смогли воспользоваться этим наследием для укрепления своей власти и ее международного престижа. Мусульмане работали в администрации, где делопроизводство велось на латинском, греческом и арабском. Ученые и переводчики, например Генрих Аристипп и адмирал Евгений Палермский, состояли в ближайшем окружении короля, входили в его «семью», *familia*. Благодаря им в Палермо собирались рукописи, покупались сочинения античных и мусульманских мыслителей. В середине XII века из Константинополя привезли «Альмагест» Птолемея и здесь впервые перевели на латынь. Волею судеб «Альмагест» стал учебником для астрономов на несколько столетий, но в другом переводе, сделанном с арабского в Толедо. Но это не принижает значения сицилийского начинания. Переводчик предпослал своему замечательному детищу предисловие, которое дышит очень чистой любовью к науке. И это — один из самых красивых средневековых текстов, какие мне доводилось читать и переводить¹.

Здесь же в годы правления Рожера II работал арабский географ аль-Идризиди, представитель княжеского рода Идризидов, создавших себе когда-то государство в Магрибе. Результа-

¹ Воскобойников 2015. С. 453–472.

том его пятнадцатилетней деятельности при палермском дворе стал первый в истории Запада географический труд, объединивший на научной основе христианский и мусульманский миры: «Развлечение для того, кто жаждет путешествовать по миру». Удивителен не только сам факт появления такого сочинения, основанного на карте (к сожалению, утерянной), но и то, что оно написано правочерным мусульманином по вдохновению христианского государя.

Несмотря на традиционные для мусульманина того времени жалобы на воцарившуюся в мире несправедливость — засилье христиан на землях, некогда принадлежавших исламу, — аль-Идризи восторженно пишет о своем покровителе, призывая на голову христианнейшего государя милость Аллаха, а книгу назвал «Китаб Руджар», «Книга Рожера»¹. От аль-Идризи мы знаем, что король Сицилии не просто поручил арабскому ученому описать собственное королевство и все известные тогда страны, но и финансово поддерживал это начинание на протяжении многих лет. Для проверки сведений, содержащихся в арабских географических сочинениях, которыми он пользовался, в страны Северной Европы и на Восток отправлялись посланники. Очевидно, что вчерашние викинги, норманнские Отвили, подражали и византийским василевсам, и багдадским халифам (о которых знали мало). Им безусловно важно было представить Палермо как что-то вроде «дома премудрости» или, по-нашему, НИИ.

Фридрих II унаследовал сицилийский трон в детстве, рано потеряв и отца, Генриха VI, и мать, Констанцию Отвиль, последнюю дочь Рожера II. В юношеские годы он принял бразды правления и после нескольких лет, проведенных в Германии, и императорской коронации (1220) вернулся в Южную Италию. Из-за многолетних усобиц начала столетия от развитой интеллектуальной культуры предшествовавшего столетия оставалось бледное воспоминание. По матери Фридрих был наследником создателей южноитальянской культуры, норманнов, по отцу — наследником пришельцев (какими когда-то были и норманны) — Штауфенов. И это двойное, германское и норманнское, имперское и сицилийское, происхождение, конечно, многое определило в его лич-

¹ Idrisi. 1999. P. 57ss.

ном характере и в культуре подвластного ему королевства, от которой пойдет речь в этой книге.

Как и Отвили, Фридрих II делал все возможное для сохранения централизованного управления в Сицилийском королевстве, в то время как германские города, князья и епископы получили от него большую независимость. В книге, лежащей сейчас перед читателем, мы будем много говорить о власти, но не о том, как она, собственно, управляла своими строптивыми подданными. Меня интересует то, как в диалоге и конфликтах с этой властью и лично с Фридрихом II формировалась культура Южной Италии, культура совершенно особая даже на фоне богатой на «особенное» Италии XIII столетия¹. Прибегая иногда к данным нормативных и нарративных источников, я сконцентрирую свое внимание на научной литературе, связанной со штауфеновским двором, который я часто буду называть вслед за современниками Великой курией, *Magna curia*.

Я постараюсь дать объяснение двум явлениям культурной жизни Сицилийского королевства. Первое из них: выработка новой картины мира и новых методов познания окружающего мира, которые ученые того времени связывали с «наукой о природе», *scientia naturalis*. Физика Новейшего времени — ее прямая наследница. Второе явление: новая фаза в рецепции античного культурного наследия, один из средневековых «ренессансов», предшествовавших Возрождению. Мне интересно, существовала ли связь между научной деятельностью, проводившейся по инициативе и при поддержке императора, и его же эстетической чувствительностью к классическому искусству. Казалось бы, одно дело — твое неумное и местами предосудительное любопытство, другое — вкус к роскоши, красивые рукописи, охотничьи замки или коллекция античных камней. А вдруг эти типологически разнородные элементы культуры диалектически связаны?

Италия XIII века стала ареной противостояния трех великих сил: Священной Римской империи, папства и городских коммун Севера, уже далеко ушедших на пути собственного, независимого государственного и культурного строительства. В правление Фридриха II это противостояние кристаллизовалось в биполярную систему гвельфов и гибеллинов. Внутри

¹ Абрамсон 1994. С. 3–16. Воскобойников 2011. С. 271–279.

этих партий не было единства: слишком опрометчиво было бы говорить о настоящем союзе Церкви и горожан под эгидой гвельфской партии; гибеллины, в свою очередь, опирались на довольно широкую поддержку именно в городской среде. Флаги менялись так же легко, как перчатки, поэтому не стоит искать следы гибеллинских ценностей в бойницах Московского Кремля, построенного, как известно, итальянцами в XV веке. И все же именно борьба партий, если угодно, «партийный дух», определила политический климат Италии интересующего нас сейчас XIII столетия. Эти силы использовали все средства для усиления своего общественного влияния и престижа, для провоцирования, очернения и ослабления противников как в Италии, так и за ее пределами. Ни искусство, ни научная жизнь того времени невозможно осмыслить вне контекста этой вековой битвы.

Фридрих II унаследовал политическую модель Сицилийского королевства норманнов. Он постоянно с уважением ссылался на «славных предков» в изданных им в 1231 году «Мельфийских конституциях», первом крупном памятнике светского законодательства средневекового Запада. Следует задаться вопросом, можно ли говорить о той же преемственности и в истории культуры. Государственная политика и идеология Фридриха II отнюдь не была простым копированием начинаний Отвилей и их представлений о власти¹. Коренное отличие очевидно: Штауфен был не только королем Сицилии, но и императором Священной Римской империи, то есть наследником всей восходящей к Античности богатейшей культурно-политической традиции. К ней он обращался не раз во всех своих начинаниях: в искусстве, в праве, в полемике с Римской курией, в натурфилософии и риторике.

Повлияло ли это двойное — местное и «имперское» — наследие на развитие наук о природе при дворе Фридриха II и в Южной Италии в целом? И если повлияло, то как? В какой форме соприкасались политические и интеллектуальные интересы самого императора, славившегося своей начитанностью, любознательностью и веротерпимостью? Как они воздействовали на работу научной элиты при дворе и, следовательно, на формирование ее представлений об окружающем мире? Ины-

¹ Marongì 1963. P. 379–394.

ми словами, нам придется размышлять над самой природой меценатства в эпоху зрелого Средневековья, причем задолго до Медичи и бургундских герцогов.

С методологической и источниковедческой точки зрения проблема может быть сформулирована иным образом. Какие именно книги читали при дворе и *как* их читали? Вторая часть вопроса может показаться на первый взгляд странной и требует некоторого пояснения. Моя задача состоит не только в реконструкции научной и художественной жизни при дворе Фридриха II, но и в поиске новых методов для решения подобных задач, которые могут оказаться полезными для медиевиста и, может быть, не только для него. Несмотря на известность и историографическую популярность Штауфена, избранный сюжет прекрасно подходит для решения такой двойной, методологической и собственно исследовательской задачи¹.

Средневековый текст иногда сопровождался миниатюрами, которые для читателя XIII века значили отнюдь не меньше, а иногда и больше, чем слова. Для наиболее красивых рукописей Средневековья издательская культура нашего времени обладает техникой факсимиле. Несмотря на ее дороговизну, благодаря ей мы имеем доступ к большому пласту памятников и можем сравнивать на месте рукописи, хранящиеся в библиотеках всего мира. Некоторые из интересующих меня здесь памятников были воспроизведены таким способом, иные доступны теперь на сайтах соответствующих библиотек. На возможность сравнивать чуть ли не все и вся, не выходя из дома, я не мог даже близко рассчитывать двадцать лет назад — поэтому объездил тогда пол-Европы, чтобы все увидеть своими глазами. Не жалею.

Наверное, не нужно убеждать читателя в том, что взаимоотношение текста и миниатюр в книжной культуре Средневековья лишь отдаленно напоминает современную практику книгоиздательства. Это очевидно всякому, кто когда-либо

¹ На русском языке можно назвать только две книги. Это плохо переведенная и не слишком примечательная в оригинале биография Фридриха II: Глогер 2003. Намного важнее книга Эрнста Канторовича, написанная в конце 1920-х годов. К сожалению, мне недоступен ее недавний русский перевод Л.В. Ланника и И.П. Стребловой: Канторович 2022.

видел страницы иллюстрированных рукописей. Пример, который я использовал в самом начале, чтобы ввести читателя в курс дела, в этом смысле вполне характерен. Изображение не просто комментирует или излагает текст на своем визуальном языке. Оно формирует свой собственный «текст», оно — говорит. Затевая диалог с сопутствующим ему словом, оно формирует сознание своего зрителя. Именно такая многоплановая реконструкция сознания создателей и читателей научных иллюстрированных рукописей при штауфеновском дворе предлагается здесь.

В Южной Италии традиции научного иллюстрирования имели глубокие корни, уходящие в эпоху Великой Греции и на протяжении всего раннего Средневековья подпитывавшиеся постоянными контактами с Византией и, в меньшей степени, с мусульманским миром¹. Мог ли обладавший тонким эстетическим чувством Фридрих II не оценить дидактическую значимость изображений в рукописи, имея доступ к таким крупнейшим библиотекам своего времени, как Монтекассино или василианские и бенедиктинские монастыри Апулии и Сицилии? Судя по обилию дошедших до нас свидетельств, которым посвящено это исследование, такие рукописи и работа с ними были методом научного поиска, как бы «исследовательской лабораторией» интеллектуалов Южной Италии. Поэтому иногда мне нужно будет останавливаться на источниках вдохновения Фридриха II и его окружения, иногда достаточно подробно говорить о культурных течениях европейского масштаба. Это позволит включить рассматриваемые здесь вопросы в общую историю искусства и мысли Европы.

Но что именно могут рассказать книжные миниатюры о представлениях о природе, о научных методах, о своих создателях и зрителях? Это основной вопрос всякого, кто берется за такой анализ. Не раз нам придется говорить о его правилах и границах. Самая незначительная на первый взгляд деталь может оказаться ключевой для трактовки целой рукописи. И это касается не только миниатюр, но и других произведений искусства, прежде всего пластики. Серьезным препятствием на моем пути оказался тот факт, что созданные

¹ Cavallo 1982. P. 495–612; Canart 1978. P. 105–162.